

На улице Чаннин две гнедые лошади медленно двигались вперед. В седлах, бок о бок, замерли две фигуры — одна в черном, другая в белом. Легкий ветерок приподнимал полы их одежд, переплетаясь с развевающимися прядями темных волос. Под ясным лунным светом казалось, будто нечто новое и неведомое вот-вот должно вырваться наружу.

Перед величественными алыми воротами, охраняемыми двумя каменными львами, Нин Цзюэ, опираясь на руки Ань Чунье, неспешно соскользнул на землю. Подняв голову, он увидел над воротами четыре крупных иероглифа: Резиденция Четвертого принца.

Ранее, услышав от Вэнь Цинчжи, что Ань Чунье — принц, Нин Цзюэ так и не узнал, какой он по старшинству и как его зовут. Оказалось, что это четвертый сын императора, Ань Чунье.

Нин Цзюэ крепче сжал лямки своего узла. Ань Чунье бросил на него взгляд и с легкой усмешкой произнес:

— Заходи.

Он прошел вперед, указывая путь. Как только они переступили высокий порог, из глубины двора выбежали слуги.

— Ваше Высочество.

Четверо или пятеро человек дружно поклонились. Ань Чунье махнул рукой, и все тут же засуетились: одни бросились уводить лошадей, другие поспешили вперед, чтобы освещать дорогу, а кто-то остался рядом, ожидая распоряжений.

В ночной резиденции повсюду горели огни. В их свете Нин Цзюэ разглядел зеленые черепичные крыши, изящные террасы и роскошное убранство. Пройдя через главный зал и миновав внутренний двор, Ань Чунье отослал всех слуг, оставив лишь двоих с фонарями.

— В доме мало людей, многие покои еще не готовы, — сказал он, шагая впереди. — Переночуй здесь, а завтра я велю слугам все как следует прибрать.

Нин Цзюэ кивнул:

— Благодарю вас, Ваше Высочество.

Они остановились перед воротами одного из дворов. Слуга отворил тяжелые створки, и Нин Цзюэ, подняв голову, пробормотал:

— Ланььюэ Люфан?

— Это название я придумал, когда впервые переехал сюда, — пояснил Ань Чунье. — Тогда я был еще юн, не понимал толку в изысканности, просто увидел, как луна повисла на ветвях, и мне показалось это очень красивым, вот и дал такое имя.

По обычаю, достигнув шестнадцати лет, принцы покидали дворец и селились в собственных резиденциях. Ань Чунье исполнился двадцать один год, он жил здесь уже более пяти лет.

Слуги зажгли свечи. Весенняя прохлада еще не отступила, в доме было зябко. Люди входили и выходили, разжигая угли в жаровнях и воскуривая благовония. Лишь когда в комнатах стало уютнее, они пригласили хозяина войти.

Было уже поздно, почти полночь. Заметив, что Нин Цзюэ несколько раз зевнул, Ань Чунье отослал прислугу и сказал:

— Время позднее, отдыхай. Я живу по соседству, в Палате Тяньшу. Если что-то понадобится, просто приходи ко мне.

— Хорошо, спасибо, Ваше Высочество.

Нин Цзюэ едва разлеплял глаза. Он ответил что-то невнятное, и как только Ань Чунье ушел, даже не закрыв дверь, он сбросил плащ, снял верхнюю одежду и прямо в чем был повалился на кровать.

Ночь прошла без сновидений. На рассвете Нин Цзюэ проснулся от холода. Он закрыл глаза и ощупал себя — вокруг была ледяная стужа, а одеяло оказалось под ним. Он проспал всю ночь напролет, подставив тело ледяному ветру.

— Апчхи!

Чихание вышло таким резким, что у него закружилась голова, а в висках запульсировала боль. Он коснулся лба — сам он не мог определить точно, но казалось, что кожа горячее, чем обычно.

Не зная, который час, Нин Цзюэ с трудом поднялся. Тело было слабым и ватным, голова оставалась тяжелой. Помассировав виски, он дотянулся до края кровати и обулся, но стоило ему резко встать, как перед глазами заплескали искры, и он едва не рухнул обратно, чудом удержав равновесие.

— Кхе-кхе, похоже, и правда простудился.

Горло саднило. Он кашлянул пару раз, накинул брошенные на кресло плащ и халат, подошел к столу и сделал глоток остывшего чая, чтобы смягчить першение.

Снаружи вовсю цвела весна, но вчерашняя усталость и хмель заставили его уснуть слишком крепко. Дверь всю ночь оставалась открытой, ледяной сквозняк выдул из комнаты все тепло — неудивительно, что он заболел.

— Кхе-кхе...

Прикрыв рот ладонью, Нин Цзюэ вышел во двор. Свежий воздух, хоть и был прохладным, немного прояснил мысли. В центре двора росло огромное дерево османтуса — в два обхвата толщиной, оно раскинуло свои ветви, словно великан, укрывая тенью почти половину пространства.

Нин Цзюэ стоял под деревом, глядя вверх, и вдруг вспомнил строчку: «Поднимешь взор — небес не видно, опустишь голову — словно букашка».

— Господин, вы проснулись? — спустя мгновение из-за ворот вошла маленькая служанка.

Нин Цзюэ обернулся, но промолчал. Девушка подошла ближе, поклонилась и сказала:

— Меня зовут Сунлу, я приставлена к вам по приказу Его Высочества.

Глядя на эту совсем юную девочку, Нин Цзюэ кивнул:

— Благодарю, госпожа.

Увидев, что господин оказался мягким и вежливым, Сунлу просияла. Ее глаза сошлись в полумесяцы, а острые клыки сделали улыбку особенно милой.

— Желаете умыться? Я принесу воды.

— Хорошо.

Нин Цзюэ кивнул, и Сунлу, поклонившись, поспешила прочь. Вскоре она вернулась с водой. Нин Цзюэ умылся, прополоскал рот, и служанка, закончив уборку, удалилась.

Он сидел на кушетке. В комнате разгорелся огонь, аромат сосновых благовоний вызывал у него тягучую головную боль. Подперев голову рукой, он не мог собраться с мыслями и лишь закрыл глаза, погрузившись в молчание.

— Господин, вам плохо? — Сунлу вернулась с завтраком и, заметив изможденный вид Нин Цзюэ, обеспокоенно спросила.

Массируя виски, он ответил:

— Голова тяжелая. Должно быть, вчера застудился.

— Я сейчас же позову лекаря!

Сунлу поставила поднос и уже собралась бежать. Она не знала, что связывает этого юношу с ее хозяином, но тот факт, что принц лично привез его ночью в резиденцию и поселил в Ланьюэ Люфан, говорил о многом. По крайней мере, Его Высочество дорожит им.

— Постой.

Нин Цзюэ окликнул суетливую девушку:

— Это пустяковая простуда, не нужно звать лекаря. Посмотри, есть ли в резиденции лекарства, просто свари мне отвар.

В домах знати всегда держали запас снадобий. Звать врача — лишние хлопоты, а он и так слишком многим обязан Четвертому принцу.

— Но как же так? Если Его Высочество узнает...

— Если спросит, скажешь, что это была моя воля.

Нин Цзюэ прервал ее, чувствуя, что от разговоров голова болит еще сильнее. Он махнул рукой:

— Иди, я хочу еще немного отдохнуть.

Сунлу помедлила, но, видя, что он действительно бледен, не стала настаивать. Поклонившись, она вышла.

В комнате воцарилась тишина. Нин Цзюэ закрыл дверь, разделся и лег в постель. Чувство полной разбитости было невыносимым, он надеялся, что сон поможет ему прийти в себя.

Больной человек спит крепко. Неизвестно, сколько прошло времени, но когда Нин Цзюэ открыл глаза, Ань Чунье, одетый в простое синее платье, сидел на краю его кровати. Его темные глаза внимательно следили за ним, и, заметив, что гость проснулся, он слегка смягчил взгляд.

— Ну как, полегчало?

— Ваше Высочество...

Нин Цзюэ попытался приподняться, но Ань Чунье одной рукой придержал его за плечо, а другой поправил подушки. Когда Нин Цзюэ сел, принц натянул одеяло, укрывая его до пояса.

Такая явная забота заставила Нин Цзюэ нахмуриться. Их отношения еще не зашли так далеко, чтобы позволять подобные вольности.

— Ваше Высочество...

Он хотел что-то добавить, но Ань Чунье перебил его, протягивая чашку с рисовым отваром:

— Сначала поешь. Должно быть, проголодался, столько проспав.

К тому, что приносила Сунлу, он не притронулся, и сейчас, из-за болезни, аппетита не было. Однако Нин Цзюэ взял чашку и начал медленно есть. Белый отвар был лишь слегка сладковатым, но после него в животе стало теплее.

Ань Чунье был на удивление заботлив. Дождавшись, пока Нин Цзюэ закончит, он без лишних слов забрал пустую чашку, подал салфетку, а пока тот вытирал губы, успел налить теплой воды. Все движения были естественными и точными, что вызвало у Нин Цзюэ искреннее удивление: как принц может выполнять такую работу с таким вниманием? Это совершенно не вязалось с его статусом.

Когда у него забрали пустую чашку, юноша уставился на принца, погружившись в свои мысли.

— Что такое?

Его прямой взгляд выглядел забавно. Ань Чунье коснулся его лба, а затем поправил растрепанные длинные волосы:

— Я уже послал за лекарем. Если чувствуешь себя должником, считай, что это в долг. Когда разбогатеешь, вернешь мне, хорошо?

Его тон был таким ласковым, будто он разговаривал с маленьким ребенком. Нин Цзюэ не удержался и спросил:

— Ваше Высочество, почему вы так добры ко мне?

Ань Чунье на мгновение замер, а затем рассмеялся:

— Я же говорил, я ценю таланты.

— Значит, вы так же добры к каждому, кто обладает талантом?

— Не совсем так.

Ань Чунье посмотрел юноше в глаза и произнес по слогам:

— Помимо способностей, важна и симпатия. Если человек мне по душе, я буду общаться с ним, даже если он бездарен. А если нет — будь он хоть семи пядей во лбу, я и не взгляну в его сторону.

Значит, в конечном счете, дело просто в том, что ему повезло прийти к принцу по вкусу?

Нин Цзюэ опустил глаза и больше не проронил ни слова. Милость принца — хорошая или плохая, желанная или нет — он мог лишь принять с благодарностью.

Между ними повисло молчание. Нин Цзюэ молчал, а Ань Чунье не мешал ему. Так они и сидели, пока слуга не привел лекаря с тяжелым ящиком.

— Простолюдин приветствует Ваше Высочество.

Пятидесятилетний лекарь, ведомый слугой, опустился на колени. Ань Чунье даже не взглянул на него, лишь бросил:

— Встань.

Лекарь поднялся. Ань Чунье, не сдвинувшись с места, приказал:

— Подойди, проверь пульс.

— Слушаюсь.

Впервые увидев столь знатную особу, лекарь весь напрягся. Дрожащими руками он сделал два шага вперед, поставил ящик и выложил подушечку для пульса на край кровати. Ань Чунье продолжал сидеть на месте, и никто не осмелился попросить его подвинуться. Лекарь, стоя в двух шагах, опустился на колени и обратился к больному:

— Прошу вас, протяните руку.

Нин Цзюэ протянул запястье — тонкое, бледное, как нефрит, на котором проступали голубоватые жилки. Лекарь, боясь ошибиться, долго и тщательно исследовал пульс. Убрав руку, он отполз на два шага назад и, склонившись до земли, доложил Ань Чунье:

— Докладываю Вашему Высочеству, пульс господина напряжен и поверхностен, дыхание затруднено. Вероятно, это простуда, вызванная проникновением холодного ветра.

— Как лечить?

— Больше отдыха, несколько отваров, и со временем он поправится. Главное, чтобы в этот период он не подвергался воздействию холода.

Ань Чунье кивнул:

— Вставай и пиши рецепт.

— Слушаюсь.

Лекарь вскочил и, не теряя ни секунды, подошел к столу, чтобы выписать лекарства. Когда рецепт оказался в руках Ань Чунъе, тот мельком взглянул на него и сделал знак слуге.

— Проводи лекаря, дай награду и проследи, чтобы лекарство приготовили немедленно.

— Слушаюсь.

Слуга бросил взгляд на лекаря, тот поспешно собрал вещи, закинул ящик на спину и, пробормотав слова прощания, поспешил вслед за провожатым.

<http://bllate.org/book/21783/2252438>